

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий дім Дмитра Бураго

Наукове видання

«МОВА І КУЛЬТУРА»

Випуск 18

Том I (176)

Київ
2015

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Издательский дом Дмитрия Бурого

Научное издание

«ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»

Выпуск 18

Том I (176)

Киев
2015

М 74 МОВА І КУЛЬТУРА. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015. –
Вип. 18. – Т. I (176). – 644 с.

Наукове видання «Мова і культура» засноване у 1992 році

Видання зареєстроване Міністерством юстиції України.

Свідоцтво КВ № 12056-927ПП від 4.12.2006 р.

Засновники:

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий дім Дмитра Бураго

Видається за рішенням Вченої ради Інституту філології

Київського національного університету імені Тараса Шевченка від 19.02.2007 р.

Головний редактор Д. С. Бураго

Редакційна колегія:

канд. філол. наук, доц. **П. П. Алексєєв**; д-р філол. наук, проф. **В. М. Брицин**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України **Ю. Л. Булаховська**; д-р філол. наук, проф. **О. П. Воробійова**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України **Л. П. Іванова**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України **М. О. Карпенко**; д-р філол. наук, проф. **Т. В. Клеофастова**; д-р філол. наук, проф. **Ю. І. Корзов**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Костенко**; д-р філос. наук, проф., д-р філол. наук, проф. **Г. Ю. Мережинська**; д-р філол. наук, проф. **А. К. Мойсієнко**; д-р філол. наук, проф. **Ю. Л. Мосенкіс**; д-р філол. наук, проф. **Н. Г. Озерова**; д-р філос. наук, проф., академік НАН України **О. С. Онищенко**; д-р пед. наук, канд. філол. наук, проф. **Г. В. Онкович**; д-р філол. наук, проф. **Т. А. Пахарєва**; д-р філол. наук, проф. **Г. Ф. Семенюк**; д-р філол. наук, проф., академік НАН України, заслужений діяч науки і техніки України **В. Г. Склярєнко**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Слухай**; д-р філол. наук, проф. **О. С. Снитко**; д-р філол. наук, проф. **Е. С. Соловей**; д-р психол. наук, проф., член-кор. АПН України **Н. В. Чепелєва**.

УДК 882. 6. 09 (091) (075.8)

Белая Е. И., кандидат пед. наук, доцент, профессор
Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ «ЭПОХИ РУБЕЖА» (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И КАТЕГОРИИ)

В статье на основании интердисциплинарного подхода рассматриваются отдельные типы отношения личности к среде, репрезентированные в произведениях белорусских авторов «эпохи рубежа»; на литературном материале интерпретируются понятия «категорические императивы», «гипотетические императивы»; делается вывод о своеобразии национальной личности и её художественной модели.

Ключевые слова: концепция личности, «эпоха рубежа», парадигма национальной личности, экзистенция героя, «категорические императивы», «гипотетические императивы».

В отличие от реального мира, в мире литературы всё является носителем художественной концепции, а восприятие предметов и явлений есть процесс понимания её смысла. Художественная концепция и художественный мир — это «взаимопроникающие части содержания произведения», которые играют решающую роль в его «социальном функционировании» [1: 305].

Термин «концепция личности» был введён в литературоведческую науку Л. И. Тимофеевым в середине 1950-х годов. В первой половине XX века, рассматривая

проблемы характера, духовно-нравственных исканий, художественного сознания героя, исследователи использовали определения «образ», «характер», «герой». Однако данный подход исключал системную совокупность мнений, суждений, взглядов на «литературную» личность, которая бы оптимизировала анализ образной структуры произведения. Первые исследования по проблеме концепции личности появились в литературоведении к середине 1960-х годов. В трудах 1960-х—1970-х годов большое внимание уделялось психологическим и этическим категориям, а до середины 1980-х годов исследования базировались преимущественно на подходе, обусловленном идеологически. Понятия «личность» и «герой» часто смешивались либо отождествлялись.

На рубеже XX и XXI веков усилился научный интерес к разработке концепции личности на примере творчества отдельных писателей. Но и в этих работах тема еще не исчерпывается. Рассмотрение концепции личности на материале прозы XX века продолжает оставаться актуальным. Её художественное воплощение в литературном произведении имеет ярко выраженные конкретно-исторические и национальные черты, что, однако, не исключает возможности разработки универсальной системы категорий. Мы предприняли такую попытку на материале белорусской прозы первой трети XX века, которую определили как «эпоху рубежа». Эпохальная рубежность данного периода видится нам в довольно широком диапазоне. Прежде всего это время крупных открытий в области естествознания, что дало основания охарактеризовать его как «эпоху перехода в царство разума, аристократии разума...» [2: 372].

Рубежность эпохи связывают также с возникновением новой идеологии, которая означает, по сути, конец всей минувшей истории. Дефиниция «эпоха рубежа» характеризуется как фрагмент аналитически и социально расщепленного мира, охваченного войнами и революциями, ломкой политических основ, духовным кризисом личности.

Первая треть XX века может быть охарактеризована как «эпоха рубежа» и в эстетическом плане, как литературная эпоха, обусловившая трансформацию типа литературного конфликта, перестройку жанровой системы, обновление тематики, появление новых литературных школ. Белорусская литература в этот период объективно очутилась в «положении догоняющего» [10: 158], что, однако, имело и позитивные черты. Во-первых, творчески наследуя имеющийся мировой опыт, белорусская литература создавала своеобразную национальную картину мира. Кроме этого, она, посредством творчества писателей, особенно молодых, ярко выявляла «проектную» природу — и в плане интерпретации опыта художественного творчества, и его интенсификации, и, в какой-то мере, предвидения. Белорусский прозаик и критик З. Бядуля определил специфику новой отечественной литературы именно в функционировании её «на рубеже двух эпох» [3: 409].

Концепция личности — одна из ключевых составляющих художественного образа мира. Это понятие целесообразно «и для интерпретации высказывания о действительности, и для интерпретации её образа» [4: 155]. Мы разделяем мнение о том, что художественная концепция личности есть реализованная на разных уровнях литературного текста авторская система взглядов на человека: его социальную природу, роль в культурной жизни, индивидуальные черты, которые раскрываются в процессе общественных отношений [4: 5]. Специфика содержательно-конструктивной функции концепции личности позволяет решать проблему её научного исследования на философско-эстетическом уровне с привлечением

в необходимой мере теоретических данных психологической науки, на жанровом уровне; на собственно художественном уровне.

Концепция личности — междисциплинарный феномен. По ряду причин мы считаем целесообразным обращение к научному наследию А. Лазурского, одного из основателей психологической науки в России. Его труды активно переиздавались в первой четверти XX века, в том числе за границей, и имели чёткую методологическую позицию: учёный избрал путь исследования целостной личности, который до него не был пройден. Сфера научных интересов А. Лазурского — психология индивидуальности. Его «Очерк науки о характерах» (1906), по словам самого учёного, первый и единственный на то время систематический курс характерологии, одна из успешных попыток широкого гуманитарного, гуманистического подхода к проблеме личности. Такой подход, с одной стороны, был востребован, а с другой — игнорировался практически на протяжении всей первой трети XX века: индивидуальность рассматривалась как несущественное приложение к социальному, коллективному. В основу своей классификации учёный положил принцип активного приспособления личности к окружающей действительности, включая не только вещи, природу, людей и человеческие взаимоотношения, но и идеи, духовные блага, эстетические, моральные и религиозные ценности. Направление, обозначенное учёным, является довольно перспективным в междисциплинарном исследовании концепции личности и осуществлении типологии характеров в прозе «эпохи рубежа», субъектом которой являлся он сам. Между тем, учёные-филологи, довольно активно обращаясь к позициям А. Адлера, обходят вниманием наследие его предшественника А. Лазурского. Метафизически ориентированным коллегам идеи учёного казались надуманно-абстрактными, что делало его «чужим среди своих» и, в результате, не позволило учёному реализовать их. Для нас существенно, что классификация А. Лазурского в большей степени гуманитарна, чем иные сходные научные модели, и обогащает представление о типах в эстетике и художественной литературе. А в качестве образов выделенных им «чистых» типов учёных приводит именно литературных героев классических произведений [5].

В данной статье мы обращаемся к лингвокультурологической парадигме национальной личности [6: 231-237]. Она, в свою очередь, основывается на модели А. Лазурского «Личность в её отношении к среде», исходным для которой является представление о цельности национальной личности в её связях с историей нации, культурой и цивилизацией. Дать характеристику тому или иному народу как личности, по мнению А. Лазурского, значит определить, что отличает его от остальных. Модель состоит из 13-и типов важнейших отношений личности к окружающей действительности. Это отношение к вещам, отдельным людям и социальным группам, семье; труду, доходу и собственности, их приобретению и расходованию; государству; патриотическое и национальное сознание; отношение к нравственности и конвенциональным нормам, мирозерцанию и религии, знанию и науке, искусству; отношение к самому себе. На некоторых важнейших из этих отношений, репрезентированных в белорусской художественной прозе «эпохи рубежа», мы и остановимся в данной статье.

Работа как проклятие или благо — генеральная доминанта художественной концепции белорусской национальной («литературной») личности. Белорус руководствуется категорическими императивами «Неужто без работы жить?» [7: 31];

«Живому же человеку надо что-то делать» [8 : 93]. Если в русском языке слово «труд» означает и тяжёлую работу, и, в широком смысле, мучения, то в белорусском эти смыслы разграничиваются: «труд» — «праца», а «мучения» — «пакуты». Герой-труженик оценивает и преобразует окружающий мир «с точки зрения не только непосредственной пользы, но и красоты... стремится увидеть высшую целесообразность и упорядоченность бытия» [9: 82]. Будничные заботы в определённой степени утоляют духовную жажду личности, способствуют её позитивной динамике. Работа помогает человеку обрести утраченные покой и гармонию. Герой К. Чорного Михал Творицкий (роман «Третье поколение») во время душевного и семейного разлада работает ещё более упорно, чем всегда. «Казалось — ему огромное наслаждение от работы, даже лишней» [7: 127]. Аналогичной художественной стратегией в показе своего героя Василя Дятла руководствуется в «Полесской хронике» И. Мележ.

Белорусские писатели продуктивно развивали в первой трети XX века традицию яркого показа быта белоруса. Однако они же активно углублялись и в психологию героя, открывая миру национальный характер своего народа. Художественная концепция героя-белоруса несёт след поэтической философии русского космизма. С. Бугаков утверждал: «Насколько хозяйство содержит в себе элемент творчества, хотя бы и самого низкого порядка, оно действительно сближается с искусством» [10: 188]. «Задор к работе» (С. Барановых), «красота в ловко выполненной работе» (Л. Калюга) — образно-речевые аналоги этого тезиса. Как отмечал М. Пришвин, «настоящее счастье обретает тот, кто целью своей ставит счастье своего ближнего» [11: 240]. В то же время работа на земле становится проклятием для того, кто пренебрегает любовью, счастьем ближнего, даже его жизнью (рассказы К. Чорного «Каменный погребок», «Сентябрьские ночи»; роман К. Крапивы «Медведичи»).

Художественная концепция личности включает, как отмечалось выше, целую систему личностных и межличностных отношений как национальных стереотипов. Это своеобразный набор всяческих правил, а правила в гуманитарных науках претендуют на ту же роль, которую в естествознании играют законы. Мы определяем их как категорические императивы («твёрдые истины» [12: 130]) — афористические словосочетания, которые характеризуются сконденсированностью, значительностью, ёмкостью мысли. За ними стоят архетипы восприятия человеком окружающей действительности и себя в ней. Экзистенция белорусов, как свидетельствуют, в частности, судьбы героев К. Чорного, включает позиции «надо жить», «надо шевелиться», «надо начинать всё сначала» (преодолевая последствия катаклизмов частной и/или общенациональной жизни). В переломное время остро актуализируется принцип «надо остерегаться» (З. Бядуля), в период коллективизации — «надо присматриваться» (К. Чорный). Совокупность категорических императивов представляет собой «художественную деонтологию».

Ядро концепции личности в белорусской прозе образует жизненная мудрость, одна из ипостасей «национального неизменного» (Н. Бердяев). Источником мудрости считается опыт. Однако он, по словам А. Камю, делает человека не мудрым, а осведомлённым. Мудрость приобретается путём осмысления собственного опыта и сравнения его с чужим. В соответствии с образно-лаконичным выражением белорусского поэта В. Жилки, это путь «...от верной тёплой Зоси [Зося — живая] к источникам незамутнённым и ясным Софии» [13: 119]. Осторожность — самая устойчивая черта

мудрости. Этим определяется и консервативность сознания героев, что отразилось в большинстве произведений белорусской прозы первой трети XX века. Один из категорических императивов высказан Я. Коласом: «Пусть глубже корни в землю» [14: 453]. Самая лапидарная формула белорусской консервативности также принадлежит Я. Коласу: «На чём сидишь, то и береги» [14: 432]). Среди личностных показателей консервативности сознания доминирует привычка — «одно из сильнейших средств в мире» [15: 20], способствующих устойчивости и гармонии бытия. «В привычке оно человек только доброе находит. А плохое — теряется. Стирается хорошим...» [15: 26]. Но привычка осмысливается и как причина личностного и социального застоя. «Человек оботрётся, свыкнется, ему кажется, что эдак и нужно...» [15: с. 82]. Традиционность крестьянского сознания оригинально репрезентируется в литературе «эпохи рубежа» такой художественной деталью, как кожух, — дремуче-косматый, медлительный обитатель здешних мест, в отличие от ватника-«приблуды» (Я. Купала, басня «Кожух и вата», 1913). Традиционное сознание обуславливает привязанность к первичной территории. Даже в белорусском фольклоре не так много упоминаний о дальних странах. Ценностной альтернативой большому, далёкому миру выступает крестьянская хата. Причины миграции обычно появлялись не во внутренних потребностях личности, а во внешних обстоятельствах: «хоть мир и просторен, да человеку, сорвавшемуся с насиженного места, простор этот мало чего даёт» [16: 134]. Начало нарушению этого извечного кода положили события Первой мировой войны.

В художественной концепции личности героя-белоруса рельефно выявляются приверженность идее детерминизма, стихийного (в годы «тройственной войны» — солдатского) фатализма: никто не знает универсального способа изменить этот мир к лучшему, так не лучше ли довериться неким высшим силам, доверчиво согласиться с тем, что есть, и как оно есть?.. Не зря же утверждают мыслители, что люди, которые придают слишком много внимания тому, что неупорядоченно, перестают замечать гармонию, красоту. И всё же фатализм не исключает «осторожного оптимизма»: и по-старому тяжело, и по-новому тревожно, но хочется иной доли. Выбор героев часто осуществляется на стыке этих личностных стратегий. Перед обобщением имущества, пишет П. Головач, крестьяне ждали нового дня с разными чувствами. «Некоторые с тревогой, — что будет? Другие равнодушно: что будет, то и будет. Третьи с какой-то радостью вперемешку с тревогой, что добились своего» [17: 162].

В самых разных жизненных обстоятельствах белорусы склонны проявлять гиперболизированное терпение, ведь «жизнь прожить — не поле перейти с сохой» [8: 90]. Оно необходимо, чтобы «принудить себя надолго к чему небудь...» [11: 256]; чтобы не рубить, а развязывать, чтобы временами не торопиться решать тяжёлую проблему, а «терпеливо дожить до решения» [11: 371], на что осмелиться далеко не каждый. Чаше для героев белорусской прозы важнее «выпутаться» (Я. Колас) из пут, чем «порвать путь» (Цётка), это значит, уцелеть как народ в «кровавых омутах» истории. Для героев Я. Коласа важно вообще «найти не так выход, как обход, вовсе, однако, не направленный на подрыв “законов, жизнью начертанных”» [18: 376-378]. И это определяет особенности белорусского героизма — наименее трагичнейшего, по определению З. Бядули, героизма извечного терпения, направленного не на достижение «социального бессмертия», а ради жизни, её сохранения как таковой, как самой главной общечеловеческой ценности.

Один из «категорических императивов» в структуре художественной концепции личности — «Что для души, то в душе и должно быть», за которым стоит эмоциональная уравновешенность. Чувства и эмоции в конечном итоге не определяют поведения героев-белорусов. И вера, и любовь, и радость, и, особенно, горе, — не для постороннего глаза. Обиженный отцом Хомка Шпак герой М. Горецкого, «спрятался врать сердце в овин», так как его «мягкая натура... возвращённая по старым обычаям, запрещала ему высказывать свою боль ... при чужих людях» [19: 298].

Герои-белорусы довольно часто предпочитают относительные, а не абсолютные категории, они менее категоричны в своих мнениях, чем, например, русские. Этим обусловлено присутствие в художественной концепции личности «гипотетических», согласно нашему определению, императивов наряду с категорическими. («Гипотетические императивы» особенно сложно выразить на языке иной культуры.) «...Надо было всё же так жить. <...> Надо как-то определяться. (Трэба як-небудзь меркавацца)» [15: 21]. «Гипотетические императивы» выявляют — в духе «осторожного оптимизма» — весьма неопределённую надежду на определённо лучшую долю. В прозе первой трети XX века представлены самые разные варианты белорусского «что-то будет» («нешта будзе»). Шляхтич Гилярий Змышлевич жил и «крепкую надежду имел: когда-то что-то должно быть...» [20: 274]. С одной стороны, такая надежда кажется, согласно иронической характеристике В. Набокова, «резиновой», с другой — это один из экзистенциальных принципов героев белорусской прозы. Надежда придаёт жизни динамику. В контексте «гипотетических императивов» стоит рассматривать и бережливость героев: «не то, так другое, не сегодня, так завтра может случиться... какая-либо проруха» [15: 17]. Хорошо иметь рубль на всякий случай, в запасе: хоть на соль или на что. В чёрные, по сути, дни, не исключали ещё более чёрных...

Весьма распространены эпизоды, когда в свете «гипотетических императивов» будущие колхозники моделируют возможные жизненные ситуации. Писатели часто пользуются в таких случаях средствами смеховой культуры. «“Скажем, мне надо куда-нибудь поехать, а мой конь в упряжке: кто-то на нём пашет или боронует...” — донимает Лявон Анися (С. Барановых, «Межи»). «“Вот что, — отвечал Анись, — если тебе ехать доведётся, то и поедешь. ... Чей-то конь не будет занят — возьмёшь и поедешь. Ты присягнул своему коню, что ли?” — “Не присягнул... Не в этом дело. Мне, может, и придется ехать, мне это только знать охота: как же оно будет?”» [15: 83]. Так же гипотетически «самореализуется» Николай Кривоносый в романе К. Чорного «Земля». Он не торопится жениться, чтоб не потерять свободы. «Проживи и так. Лучше вольному человеку. Куда ни глянешь, всюду можешь пойти. Может, ты никогда никогда и не пойдёшь, но тебе так кажется». Даже соглашаясь с перспективой весь век просидеть на завалинке, герой и в ней видит преимущества «вольной» жизни: «Но мне жена не выйдет и не скажет — довольно тебе сидеть. Опять же оно не страшно, что жена скажет. Я могу без ничьей этой указки взять да пойти. Но тут вся музыка в том, что вот же никто мне не скажет» [21: 307].

М. Бубер выделил два типа отношений личности к миру: «иметь» и «быть». Они диалектически сочетаются в концепции героев белорусской прозы. Важно иметь: посредством реализации этого принципа в первую очередь обеспечивается устойчивость существования белоруса. «Ешьте, пока своё ведётся...» [20: 524]. В литературе с начала XX века начинает своеобразно выкристаллизовываться и принцип «быть», в смысле

быть личностью, самоктуализироваться. Рядом с этими типами отношения к жизни в концепции личности героев белорусской прозы мы выделяем третью, специфически национальную ипостась, как своеобразное понимание достоинства, — «казаться». Она по-своему продолжает ряд «гипотетических императивов», демонстрирует склонность белорусов творить «миф наоборот». Белорусский поэт Средневековья Микола Гусовский так написал об этой черте в поэме «Песня про зубра»: *«Может, мы дома достатком не равные с кем-то, а на торгах прибудняться не в нашей натуре»* [22: 69]. Но чаще белорус стремился показаться беднее или притвориться, что у него ничего нет: то остерегаясь от недоброго глаза, то чтоб судьбу обмануть. Эта часть «национального неизменного» сохранилась не только в художественной концепции личности «эпохи рубежа», но и в ментальности наших современников.

Таким образом, художественный мир всегда концептуально нагружен. Термин «концепция личности» в современном литературоведении является одним из ключевых, а проблема художественной концепции личности — актуальной, тем более что современная переходная эпоха, к которой мы апеллируем, по ряду социокультурных характеристик сходна с первой третью XX века как «эпохой рубежа». Научное исследование художественной концепции личности закономерно осуществляется на философско-эстетическом уровне с привлечением в необходимой мере теоретических данных психологической науки. Мы, в частности, обращаемся к парадигме национальной личности, что основывается на модели А. Лазурского, исходным для которой является представление о цельности личности в её связях с историей нации, культурой и цивилизацией. Их художественное воплощение не исключает разработки универсальной системы категорий. В качестве таковых мы используем философское понятие «категорические императивы» для обозначения выраженных образным языком мировоззренческих архетипов белорусов, а также вводим понятие «гипотетические императивы» — относительные категории, которые во многом определяют своеобразие белорусской национальной личности. В статье рассматриваются отдельные аспекты отношения героев прозы «эпохи рубежа» к миру, обществу, настоящему и будущему, собственности, свободе и долгу, жизни и смерти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боров, Ю. Эстетика : в 2 т. / Ю. Боров. — Смоленск : Русич, 1997. — Т. 1. — 576 с.
2. Бабарэка, А. Збор твораў : у 2 т / А. Бабарэка. — Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2011. — Т. 2 : Проза, паэзія, філязофія, публіцыстыка, запісныя кніжкі, дзёньнікі, лісты. — 726 с.
3. Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля. — Мінск : Маст. літ., 1989. Т. 5. — С. 409.
4. Бронская, Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин : дис. ... д-ра филол. наук: 10. 01. 01 / Л. И. Бронская. — русская литература / Л. И. Бронская. — Ставрополь, 2001. — 371 л.
5. Лазурский, А. Ф. Классификация личностей. Психология индивидуальных различий / А. Ф. Лазурский // Хрестоматия [Электронный ресурс]. — 2000. — Режим доступа: <http://psylst.net/hrestomati/lazurskiy.htm> — Дата доступа: 02.02.2009.

6. Вороб'єв, В. В. Лингвокультурология : Монографія / В. В. Вороб'єв. — М. : РУДН, 2008. — 336 с.
7. Чорны, К. Збор твораў : у 8 т. / К. Чорны. — Мінск : Маст. літ., 1974. — Т. 5: Раман, дзве аповесці. — 446 с.
8. Бядуля, З. Салавей : Аповесць, апавяданні / З. Бядуля. — Мінск : Юнацтва, 2000.
9. Гарадніцкі, Я. А. Паэтыка беларускай літаратуры XX стагоддзя : суб'ектна-аб'ектныя адносіны / Я. А. Гарадніцкі. — Мінск : Беларус. навука, 2010. — 332 с.
10. Бальбуров, Э. А. Русская философская проза: вопросы поэтики / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. — М. : Языки славянской культуры. 2010. — 216 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).
11. Пришвин, М. М. Дневники. / М. Пришвин. // Сост., предисл. и комм. Ю. А. Козловского. — М. : Правда, 1990. — 480 с.
12. Навуменка, І. Я. Якуб Колас : Духоўны воблік героя / І. Я. Навуменка. — 2-е выд., дап. — Мінск : Выд-ва БДУ, 1981. — 240 с.
13. Жылка, У. Матылі : вершы, паэмы, пераклады / У. Жылка. — Мінск : Маст. літ., 2009. — 189 с.
14. Колас, Я. Вершы. Паэмы. Апавяданні. Аповесці. Трылогія “На ростанях” / Якуб Колас; прадм. М. Мушынскага. — Мінск, 2007. — 1168 с.
15. Баранавых, С. Дзве аповесці / С. Баранавых. — Мінск : Беларусь, 1967. — 316 с.
16. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Якуб Колас. — Мінск : Беларус. навука, 2010. — Т. 12 : Аповесці — 518 с.
17. Галавач, П. Спалох на загонах / П. Галавач. — Мінск : Маст. літ., 1996 — 222 с.
18. Адамовіч, Ант. Да гісторыі беларускае літаратуры / Ант. Адамовіч. — Мінск: Выдавец Ш Зміцер Колас, 2005. — 1464 с.
19. Гарэцкі, М. Прысады жыцця: Апавяданні, аповесці / М. Гарэцкі; уклад. Т. Голуб. — Мінск : Маст. літ., 2003. — 479 с.
20. Калюга, Л. Творы: раман, аповесці, апавяданні, лісты / Уклад., прадм. Я. Лецкі; Камент. Н. В. Гаўрош, Т. М. Трыпуцінай /Л. Калюга. — Мінск : Маст. літ., 1992. — 607 с.
21. Чорны, К. Збор твораў : у 8 т. / К. Чорны. — Мінск : Маст. літ., 1973. — Т. 3 : Раманы. — 544 с.
22. Гусоўскі, . Песня пра зубра / М. Гусоўскі // На лацін., беларус., рус. мовах/ Пер. на беларус. мову Я. Семязона. — Мінск : Маст. літ., 1980 — 192 с.

Біла О. І., кандидат пед. наук, доцент, професор
 Баранавічський державний університет, Барановіч, Білорусь

ХУДОЖНЯ КОНЦЕПЦІЯ ОСОБИСТОСТІ У БІЛОРУСЬКІЙ ПРОЗІ “ЕПОХИ МЕЖІ” (ДЕЯКІ АСПЕКТИ І КАТЕГОРІЇ)

У статті на підставі дисциплінарного підходу розглядаються окремі тити ставлення особистості до середовища, репрезентовані у творах білоруських авторів “епокси межі”; на літературному матеріалі інтерпретуються поняття “категоричні